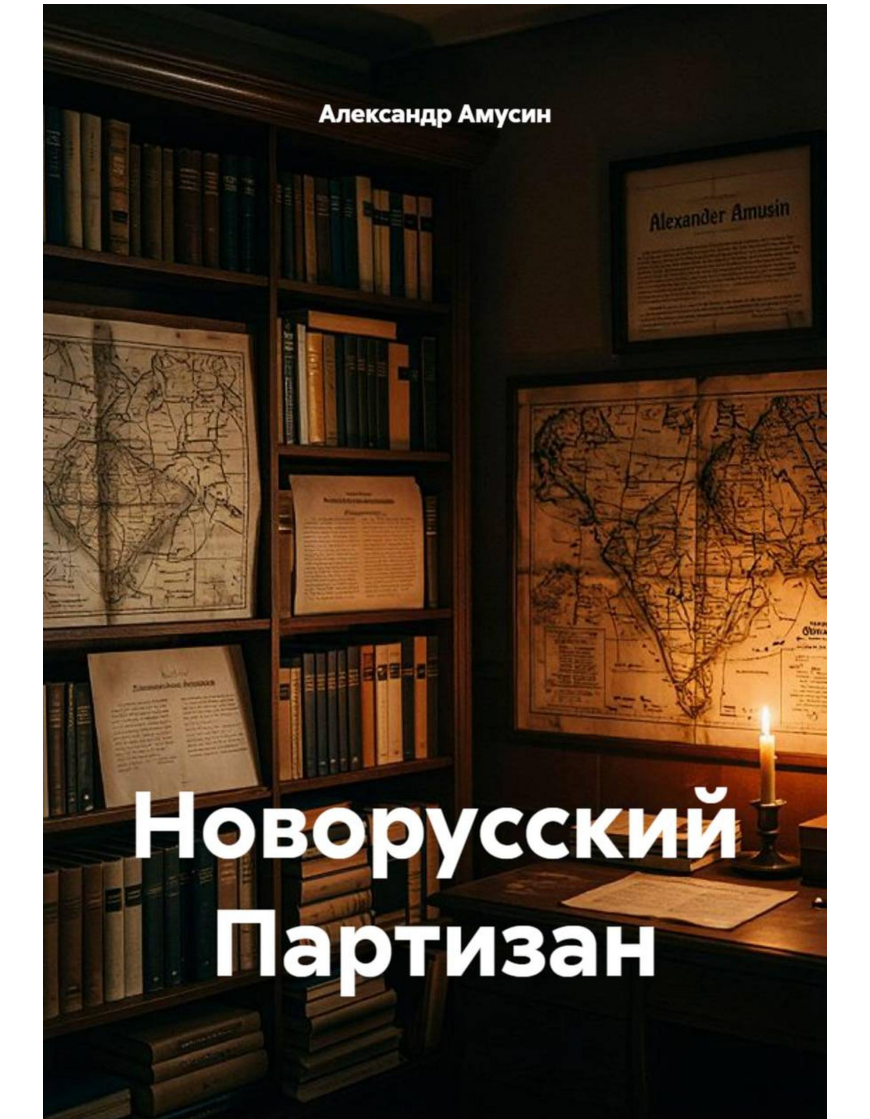

The image depicts a cozy, dimly lit study or library. On the left, a tall wooden bookshelf is filled with numerous books. A large, framed map of a region with many rivers and towns is mounted on the wall to the left of the shelf. In the center, another bookshelf holds more books and a framed document. To the right, a desk is illuminated by a single lit candle in a brass holder. On the desk lies an open book or document. On the wall above the desk is a framed portrait of a man, with the name 'Alexander Amusin' written above it. The overall atmosphere is quiet and scholarly.

Александр Амусин

Новорусский Партизан

Александр Амусин

Новорусский Партизан

<https://litres.ru/74640199>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как автор, Александр Амусин, в своих произведениях выделяется историко-философская глубиной в работе с «холстами времени». Он активно исследует прошлое: показывает, как события и культура прошлого формируют настоящее, погружает читателя в контекст эпохи. Его тексты не лежат на поверхности: в них переплетаются разные пласты — фактура эпохи, культурные коды, личные истории героев, философские обобщения. Это требует от читателя вдумчивого чтения, «вхождения» в текст., в потоке сознания или на минимализме, где многослойность уступает место простоте повествования. Амусин виртуозно использует мелкие детали и диалоги, чтобы через малое раскрыть большое — масштаб исторических событий, внутренний мир персонажа. Он умеет «акцентировать в большем малое. В его прозе заметно стремление к сохранению и бережному использованию «истинного русского языка». Это проявляется в богатстве лексики, в работе с ритмом фразы, в использовании устойчивых оборотов.

Александр Амусин

Новорусский Партизан

Как автор Александр Амусин в своих произведениях выделяется историко-философская глубиной в работе с «холстами времени». Он активно исследует прошлое: показывает, как события и культура прошлого формируют настоящее, погружает читателя в контекст эпохи. Его тексты не лежат на поверхности: в них переплетаются разные пласты — фактура эпохи, культурные коды, личные истории героев, философские обобщения. Это требует от читателя вдумчивого чтения, «вхождения» в текст. Современная проза порой тяготеет к большей прямолинейности, к фокусу на сиюминутном, на потоке сознания или на минимализме, где многослойность уступает место простоте повествования. Амусин виртуозно использует мелкие детали и диалоги, чтобы через малое раскрыть большое — масштаб исторических событий, внутренний мир персонажа. Он умеет «акцентировать в большем малое. В его прозе заметно стремление к сохранению и бережному использованию «истинного русского языка». Это проявляется в богатстве лексики, в работе с ритмом фразы, в использовании устойчивых оборотов. В текстах Амусина часто присутствует ре-

флексия о «русской народной душе», о вечных вопросах смысла, долга, истории. У Амусина в центре произведений — история, философия, язык и «полотно времени». В значительной части современной прозы фокус смещён на индивидуальность, на эксперимент с формой, на актуальность здесь и сейчас.

**\\ АМУСИН АЛЕКСАНДР /// amusin_a@mail.ru
Amusin Alecsandr Россия .©**

**Все права защищены, при любом копировании информации,
ссылка на автора обязательна.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

**ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА
ВАСЁНИНЫ ТАЙНЫ
ЕСТЬ ХОЧЕТСЯ
ОРДЕН ДЛЯ ВНУКА
НОВОРУССКИЙ ПАРТИЗАН**

ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА

– Итак, запомните, дети, и запишите: мы живём с вами в Солнечной системе. В центре находится Солнце, а вокруг него вращаются девять планет: Меркурий, Венера, наша

Земля, затем Марс, Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун и Плутон. Записали, вот и отлично. Запомните главное, Солнце – огромная раскалённая звезда, источник света для всех планет. И ещё запомните: в отличие от звёзд, все планеты светятся отражённым солнечным светом, отражённым! Да! О существовании планет люди узнавали не сразу, так, Уран был открыт в 1781 году, а Плутон только в 1930...

В шестом классе урок географии. Молоденькая учительница с удивительно хрупким и ангельским для педагога голосом держит в руках учебник и, поглядывая в него, диктует. Она подходит к девочке с длинными каштановыми волосами, сидящей за первой партой, берёт её тетрадь и тихо спрашивает:

– Диночка, ты почему опять ничего не записываешь? Завтра контрольная и я вам ...

– Светлана Викторовна, в учебнике – ошибка. Мой дедушка дедушки говорил, что ещё шесть тысяч лет назад древние шумеры, которые жили

возле Персидского залива, знали: около Солнца крутятся не девять планет, а десять.

Учительница смотрит в карие глаза девочки, пальцы её рук начинают медленно подрагивать, покачивается и учебник.

– Ну, во-первых, не крутятся, а вращаются. А во-вторых, ещё, что твой прадедушка сообщал?

– Он объяснял, что Солнце – это особая планета. Там жи-

вут души всех живых существ. Оттуда они приходят на другие планеты, туда же и возвращаются, когда отмирает тело. Поэтому планеты не только отражают, но и сами светятся.

– Если я тебя правильно понимаю, планеты светятся потому, что на них есть жизнь.

– Дедушка дедушки говорил – точно есть! Только у каждой планеты своя жизнь, у каждого времени своё зрение! Если мы что-то не видим, это не означает, что этого нет. Просто земляне видят по-своему, на Сатурне по-своему, а на Марсе по-своему. А у каждого поколения своё зрение, у каждой планеты свой взгляд. Это его любимая поговорка.

– Какая поговорка? – лицо учительницы бледнеет. Прижав учебник к груди, медленно возвращается к школьному столу, опускается на стул. – Странно, странно, у меня так часто папа слова своего деда повторял. Диночка, а твой пра... пра... родственник – учёный?

– Нет, геолог. Он раньше был учёным, но его в тюрьму посадили за то, что много умничал.

– Что делал?

– Много умничал, так прабабушка его ругала. Они жили в плохое время, когда умников в тюрьмы сажали, чтобы неумных не портили своими умностями, а в партийных учебниках не писали того, чего неумники не знают.

– Понятно, а геологом он стал, когда из тюрьмы вышел?

– Да, ему долго запрещали в городе проживать, вот и скитался по экспедициям, землю копал. И вообще, он в городе

не любил жить.

– Странно. Он же научный работник, а здесь институты, библиотеки...

– Говорил, что любой город – та же десятая планета. Все о ней знают, а заглянуть в неё – века нужны. Так и люди в городе, вроде есть, а вроде и нет. Толпой на работу, с работы, в трамвай, в троллейбус, – всё толпой... А кто рядом с тобой, чужой ли, родной – чтобы разобраться, жизни не хватит.

– Ну что ж, Диночка, это уже не география. Давай так договоримся: сейчас идёт урок, и мы не будем отрывать время у других разговорами о твоих родных, а после звонка договорим, хорошо?

– Хорошо, а контрольную мне как писать, по учебнику или как дедушка дедушки говорил?

Пока Светлана Викторовна и Дина ведут столь неожиданный для урока географии диалог, в классе никто даже ручки не уронил, так тихо. Учительница осматривает примолкший класс, раздумывая, что ответить девочке, подрагивающими пальцами берёт указку.

– А знаете, ребята, Динин прадедушка во многом прав. Действительно, 1 ноября 2003 года официально было признано существование десятой планеты, которую назвали Седной, в честь богини эскимосов. Но почему-то в современных учебниках ничего до сих пор про это открытие не сказано. А жаль. Поэтому я и вынуждена вас учить тому, что написано, а не тому, что есть на самом деле. У меня никогда

не было прадеда, отец рассказывал, он погиб где-то в Сибири, во время научной экспедиции. Но! Мне очень приятно, что разговоры с прадедушкой для Дины не прошли бесследно, и поэтому я освобождаю Дину от контрольной. А теперь всё, продолжаем урок.

– А меня можно освободить от контрольной! – с последней парты поднимается Настя Волкова.

– А тебя-то почему? – удивляется учительница.

– А у меня тоже прадедушка был учёный и сидел в тюрьме. Бабушка рассказывала и плакала.

– И про что он тебе поведал, про одиннадцатую планету?

– Нет, он генетиком был и утверждал, что человек не от обезьяны произошёл.

– А от кого?

– Я не знаю, бабушка объясняла, но я не поняла.

– И меня можно! – с третьей парты поднялась Галя Кравцова. – У меня дедушка одобрял теорию, что существует параллельный мир, но учёным не стал, из института ещё студентом выгнали.

– А мой дедушка писатель и написал книжку не такую, какую надо, и его тоже посадили...

– А у меня папин брат сидел, но папа говорит, что его просто так арестовали, ни за что.

– А моя мамина сестра в Бога верила, за Бога и наказали.

– А моего дедушку – за анекдот...

– А у меня!..

– А у меня!..

– А у нас! – сразу несколько мальчишек и девчонок тянут руки, пытаясь рассказать о своих близких.

– Хватит! Хватит! Тихо! Тихо! – машет руками учительница, пытаясь успокоить учеников.

– Почему хватит! – с четвёртой парты поднялся Саша Антонов. – Это неправильно! У них сидели, а мой прадед на войне был. Да если б его не убили, он бы до чего-нибудь хорошего додумался, и его бы тоже посадили. Я хочу освобождения от контрольной.

– И я! Мой отец на стройке работал, ему некогда было думать, но всё равно посадили!

– А мой дед на целине был, а это хуже, чем в тюрьме!

– А мой... правильный! Его в тюрьму не сажали!

– И я не хочу, чтобы людей в тюрьму сажали! Не хочу! Это несправедливо!

Класс клоочет. Перебивая друг друга, не слыша ни учительницы, ни себя, ученики кричат, словно хотят, чтобы их услышали не только в классе или в школе, но и там, на неведомых девяти планетах, и в прошлом!

– Тихо! Я кому сказала, тихо! – не выдержав, стучит по столу указкой Светлана Викторовна. – Тихо! Тихо! Дедушки, прадедушки, папы, братья, сёстры... совсем запуталась я в ваших родственниках... Пока разберусь, школу окончите. Контрольная отменяется!

– Ура! – взрывается счастливым ором замол-кающий

класс.

– Но это не всё!

Класс настороженно затихает.

– В субботу на урок географии я приглашаю ваших родителей.

– Зачем? – удивляется Антонов. – Они в тюрьме ещё не сидели.

– В субботу вместе с родителями идём в планетарий и попытаемся вместе разглядеть Вселенную.

– Почему вместе? – не унимается Антонов.

– А это чтобы понять, у какого поколения какое зрение, – улыбается Светлана Викторовна и закрывает учебник.

Уже после звонка она подзывает Дину и, смущаясь, шёпотом спрашивает:

– А твоего прадедушку звали не Виктор Васильевич?

В шестом классе изучают, как устроена Вселенная...

ВАСЁНИНЫ ТАЙНЫ

ХОЗЯЙКА СУДЕБ

НЕПРИЛИЧНЫЙ СТАТУС

ПРАВДА БАБЫ АЛЕКСАНДРЫ

Если в селе спросите, кто такая баба Васёна, – мнение больше, чем сельчан, соберёте. Одни будут утверждать, что она первая хозяйка по деревне, другие –

героический бабулёк, партизанка, слова лишнего под пытками не вырвать. Третьи, озираясь по сторонам, со страхом прищурив глаза, обзовут злобной, мстительной колдуньей, но, почуяв тень, похожую на Васёнину, мигом засюсюкают и разольют столько комплиментов в адрес тёмненькой, сколько и ручью ясному не снилось. Некоторые могут заявить, будто коварнее старухи нет во всей округе, а иные поклясться, что она – светлый ангел, воплощение сердечности и нежности.

В общем, суждений больше, чем людей, и меняются они постоянно. Один и тот же человек может рассказывать, какая бабушка славная, а затем, вспомнив о чём-то своём, закончит анафемами в её адрес. Другой, наоборот, откровенно выбравив, успокоится, почешет затылок и заявит искренне, что старушка в целом нормальная, справедливственная, вот только отдельные моменты авторитет увечат ... Вот именно, некоторые крохотуленькие, манюсенькие мгновеньица, да только из них вся жизнь у Васёны складывается. Да и саму справедливость она понимает по-своему.

А недавно она выдала такое, что всем селом в один «ох!» выдохнули, а вдохнуть не смеют – душа горит, совести не хватает Васёне в глаза взглянуть...

ХОЗЯЙКА СУДЕБ

Началось всё у магазина, в огромной очереди за хлебом, который только один раз за день завозят, да и то к вечеру. Кто-то из сельчанок изрекла, что Венька Забродин к Нине Казьминой хочет посвататься. Брякнула – не подула, бросила горящую сплетню в толпу сennую, изнывающую от тоскливого ожидания под палящим июльским солнцем, а сама в сторонку, в тенёчек, на ветерочек. И то, что началось среди баб, которые в очереди тлели, – осы позавидуют! Жужжакали так, что фонарь на улице не столько от жары, сколько от возмущения лопнул. Особенно лютовала родная бабка потенциальной «невесты»:

– Где брехунья, где! Чьи zenки я ещё не расцарапала! Чья морда цельной по селу шляется? Алкаша, пройдоху, пастуха за моего ангела! Да он наш дом соседней улицей обходить должен со своим стадом! Да от него за версту брагой и сивухой – ветер с ног валит! Да от его запаха ромашки с бузиной осыпаются!

– Успокойся, Настасьюшка, выговорилась, и угомонись, – вмешалась в перепалку баба Мотря Нораева, самая откровенная из старушек. – Да, конечно, Венька ей не пара, только Нина тоже не во всём безгрешная! Пашку с армии ждать обещалась? Обещалась! Года не прошло, а сама с весны с парнями у речки крутится.

– А ты видела, а ты слышала, а может, и фитагрифировала, подруженька фигушная. Нинка за водой в речку ходит, а если кто из парней подмогнуть ведро поднести или дорогу

скрасить, так чево в этом зазорного? Чево напраслину возводишь на девку?

– Энто как глянуть! Зачем девке шмандать на ночь, глядя, за водой без вёдер, да из дому, где все удобства. Поверни крантик, и вся речка в хате, хошь в ванне плескайся, хошь из дома бассейну делай! – хихикнула бабка Катя – высокая, с крупным мясистым носом, упитанными щеками и крошечными, как две веснушки, карими глазками.

– А ты чего из себя кочевряжишь! Кочерга ходячая, или ты подглядывала своими осиными гнёздами? Как тогда, за своим рыжим Колень-кой в моём огороде, – забыла?! – вспылила баб-ка Настя и, подпрыгнув, попыталась ущипнуть Катю за нос. Но та разгневанно взмахнула кулачком, резко отодвинулась, и Настя свалилась на Мотрю.

– Ты мово Коленьку не трогай, не трогай! Да! Не в твоём огороде его искать надо было, не в твоём, чего греха таить, да только и ты на него заглядывалась. Да ежели б твой Ванька не полоскал тебя каждую субботу за волосы, кто знает, из каких ручьёв были твои дети.

– Это меня-то Ваня таскал?! – завопила бабка Настя, да так отчаянно, что ворона на крыше магазина в поклоне согнулась. – Забыла, оглобля трухлявая, как от Коленьки на сеновале у меня пряталась! А за колодцем в бурьяне?

– Так то ж по пьяни мужик дурью маялся, а как проспится, ох как он меня любил, Настя, ох как прощению просил, косточки от его страстёв ходуном ходили!

Баба Катя, не обращая внимания на столпившуюся возле них очередь из старух и женщин, томно прикрыла веснушчатые глазки белёсыми ресничками и так, сладострастно улыбаясь, откровенно потянулась, запрокинув руки за голову, обнажая часть груди. Некоторые, негодуя, отвернулись.

– Не тебя одну! – буркнула, поправляя платок, внезапно успокоившись, баба Настя.

– А по мне, хоть полдеревни, на меня его завсегда хватало с гаком.

– Угу! – зло огрызнулась баба Настя. – То-то ты с мово Ваньки глаз годами не сводила, а как уйду из дому, так и вилась виноградом у забора, так и вилась, пока детишки не подросли. Хотя, хотя! Стой, стой!

Бабка Настя так отчаянно хлопнула себя по лбу, что комарьё, зависшее над толпой, перепуганной тучкой метнулось к речке.

– Слухай, Катька, а ты правильно помнишь, когда я тебя ночью в огороде у копны застукала, а ты заявила, что Коленьку у меня выслеживаешь, потому как Ванька мой в ночную смену пахать уехал?

Не подозревая подвоха, не открывая глаз, по-прежнему улыбаясь, бабка Катя, соглашаясь, качнула головой.

– Помнишь, холудина! – зло, с ненавистью глядя на счастливое лицо Кати, прошипела Настя. – Чево утихла? А я припомнила, припомнила я! Ведь трактор у него сломался тогда, серьёзно покалечился ещё с вечера. И где он его чинил всю

ночь, и с кем он его чинил? Он же к утру с чистыми руками домой вернулся. Как раз через час как тебя застучала у копыны помятую, воро-тился. И как я вовремя не дотумкала?!

— Господи, сколько лет прошло, поглядь на себя, морщин больше, чем в той копне сена было, а до сих пор забыть не можешь, — покраснев недозрелой вишенкой, перекрестилась Катя, — склероза у меня, понимаешь, склероза! Если не знаешь, что такое, у фельдшерицы спроси. Она все русские болезни по-латински величает, грамотная.

— Зойка-то умная? Дурында-недоучка. Да я к ней вчерась давлению приходила мерить, так она так намерила, так замерила, ни один футбольный мяч так не надувают. Да ежели б в небе про моё давление прослышали, без ракеты к себе подняли! Да кабы не бабка Васёна, давно бы всё село вымерло при таких лекарках. Без латыни, а лечит, а с латынью — калечит!

Бабка Настя гордо вскинула голову, снова поправила платок, снисходительно оглядела толпу. И, словно по команде, стоящие рядом с ней старушки кинулись обсуждать Зойкины познания в медицине, вспоминая свои недолеченные болячки и хвори, зачастую поминая, как Зойкины медицинские «приговоры» бабка Васёна спокойно отменяла, исцеляя травами и снадобьями. И только в конце очереди две пожилые полные женщины, тяжело вздохнув, отошли в сторону.

— А ведь жалко Веньку. Совсем сопьётся, женить действительно пора, глядишь, остепеняет.

– Кому он нужен, пастух-забулдыга, ни стоящей работы, ни хорошего двора с многочисленной скотиной.

– Пастух – это временно, вот вернут права, снова сядет за машину. И хату справит, и деньги будут. Не на всю-то жизнь его лишили. Скажи другое, за кого сватать? Нинка слабохарактерная, да к тому же безотцовщина, лишний раз Венька руку подымет, защитить некому. Верка по Сашке сохнет, Маринка в шалавах прописалась...

– Надо ту, которая из этого стервёныша верёвки вить зачнёт, пить отучит, на жизнь хозяйскую наставит. А так... Что женить, что не женить, – шолопутных у него и без свадьбы хватает.

А толпа между тем неожиданно вернулась к прежней теме. Теперь громче всех орала Венькина родственница – бабка Сузгиниха. Рядом с ней, ссутулившись, затравленно озираясь, канючила вечно недовольная баба Ира, прозванная за свой кислый характер Лимоновной.

– Я ведь что, я ведь правду сказала! Я ж не со зла, Валентиновна!

– Не со зла! Да если ты кому добра пожелаешь трёх дней без беды не проживёт! Нинку с Венькой она возле клуба углядела. Ругались свирепо! Да ты понимаешь своими куриными мозгами, что, кроме полыни, ничего в саду не видишь! Да промеж молодёжи так заведено, вроде бранятся, а промеж слов поганых чуйства духовные сокрыты. Чуйства

они свои так выражают, чуйствия!

– Ну, ты, подруга, сказанула, – не вытерпела баба Мотря, – какие чувства, если друг друга матом кроют! Какие чувства под матом спрятать можно? Только самые... кхе... хе...

– Лимониха, твой тоже до свадьбы, орал, сквернословил, оглашенный, да у полгода от неё нос воротил, а что теперь?! Детей вырастили, внучат до ума доводим. И срослось, и сла-дилось. Всё при желании уговорить и породить можно! Даже любовь! Баба Мотря презрительно скривила губки и, покосившись на Сузгиниху, сплюнула.

– И много ты счастья от своей любви уговорной видала? Годами от слёз не просыхала.

– Сколько было, всё моё! – как-то неуверенно огрызнулась Сузгиниха.

А в толпе между тем, перебивая друг друга и слушая только себя, выносили вердикт Веньке и Нине. Одни кричали, что костями лягут, а свадьбы не допустят, другие, задыхаясь, вопили, что волосёнки последние повыдержают у тех, кто «костями развалится». Третьи обречённо ныли, что в деревне ни парней приличных, ни девчат не осталось, из ко-го выбирать? Все хорошие в город подались. Были и те, кто, молча, кивал головами, не зная кому. И вдруг эта разно-ликая, разноцветная и разноголосая уймища разом стихла. Мгновенно. Даже ворона на крыше магазина, с благоговени-ем разглядывающая разъяренную толпу, испуганно каркнув, застыла чёрным солдатиком. Возле магазина появилась Ва-

сёна. Неторопливо подошла к разгорячённым бабушкам.

– Что краснее помидоров стынете! Кому души трясёте, пока хлеба нет?

– Так ведь, Василина Александровна, к моей Нинке Венька свататься намеревается. Мы вот и решили: не пара с Венькой они, не... – осторожно покашливая, ответила бабка Настя.

– Кто не пара, Венька наш, да он любой принцессе, а не только твоей шмакодя... – тоненько подвывая, запричитала Сузгиниха, но, увидев приподнятый палец Васёны, осеклась на вздохе. А Васёна, взяв её за подбородок и негодую, медленно выговаривая каждое слово, зашептала:

– Понятно, к чему собрания клонит. Забылись, советчики фигушны, забылись. Напомнить, кто из вас ко мне за приворотным зельем бегал? И что? Много счастья после свадьбы обрели? Чего хором согнулись? В общем, так: как Нинка решит, так и станется! А кто мешать будет – накажу. Все слышали?! А Веньку первого! Баб за версту от стыда обходить будет, кобеляка.

Васёна взглянула на выжженное солнцем бело-голубое небо с единственным облачком, на сельчанок и, молча пройдя к крыльцу магазина, обернулась.

– Жарко нынче чтой-то, бабоньки, надо бы к вечерне дождя! Как думаете? Надо?!

Толпа покорно наклонилась, выдохнув: «Надо!» А вечером не успело солнце спрятаться за горизонтом, как над се-

лом хлынул ливень. Тугой и долгий. Нина и бабка Настя сидели на крыльце, подставив потокам воды обнажённые ноги.

Бабка, обняв внучку, мурлыкала песенку про удалого молодца, но вдруг, словно вспомнив что-то, спросила:

– Так ты с Венькой-то сегодня разговаривала?

– Угу, сказала, если свои лапища, да слухи будет снова распускать, Васёне пожалуюсь, а она его живьём сгноит.

– И что эта пьянь подзаборная ответила?

– Сказал, если б не эта ведьма, он бы из меня пробку для шампанского вылепил, а из Васёны суп собакам наварил! Кости у неё, говорит, самоё то – для собак! Говорит, животное она, а не человек, животное на букву «с».

– Кости, говорит, не людские.

– Тихо! Молчи! Т... с... ссс!

Баба Настя испуганно схватила внучку за локоть и, озираясь, потянула в дом.

– Ты чего испугалась. Я же только разговор передала, так сказать, реальность констатировала.

– Тихо! Если Васёна узнает про Венькину констатацию, она ему такую устроит кастрацию. Ты никому не говорила о разговоре с ним?

Теперь Нина, озираясь, испуганно замотала головой.

– Не, вроде! Ни полсловечка! Тебе первой!

– Значит, первой и последней! Никому, слышишь, никому!

Но наутро Веньку в овраге нашли. Полупьяный, орал

громче трактора, а вот выползти из оврага не смог. Обе ноги и правая рука оказались сломанными.... И не только костями пострадал Венька. Даже излечившись, больше он за женщинами не волочился. С той поры и прозвали его Венькой-импотенькой. Правда, обзывали только женщины! А баба Настя, увидев бывшего «жениха», торопливо крестилась и тихонечко бубнила:

– Вот до чего пьяные языки доводят! Вот до чего доводят!

НЕПРИЛИЧНЫЙ СТАТУС

У Виктории Астаховой неприличный статус – гулёная. Не простипома, не шлюха, не гулящая, а именно гулёная. А накинула на неё срамной плащик из людской молвы лично бабка Васёна. И если в селе кого старушка нарекла, каким прозвищем, можешь в ГРУ не ходить, – точнее точного. Да и критерии у Васёны такие же древние и выверенные, как она сама. Так, простипомы по – сельскому, а по городскому – проститутки – в «табеле о рангах» бабки Васёны – это те бабы, что себя продают за деньги. Шлюхи – тоже продажные, но не столько за деньги, сколько выгоды ради, впрочем, крупными купюрками и солидными объёмами натурпродуктов тоже не брезгают. Гулящие – больше для обоюдного удовольствия ублажают мужиков, а гулёные отдают себя изредка и по настроению. Причём знакомым или незнакомым – без разницы, или, как выражается бабка, «когда охота совесть

добывает». Повезёт мужичку встретить такую «страдалицу» во время охоты, даже раздеваться не надо, сама всё снимет. А к утру, когда страсть поутихнет, и пинком отблагодарить может.

Вот такие у бабки Васёны на падших женщин наблюдения и градации.

Впрочем, неширокие сельские колеи-дороженьки бабки Васёны и Астаховой не пересекались. Тем более, чтобы «себя потешить для удовольствия», Астахова в райцентр выбывала, подальше от пронырливых сельских сплетниц.

– Гулёна она и есть гулёна, – фыркала Васёна вслед отъезжающей в очередное «загульное турне» Виктории и спокойнее добавляла: – Бзычка, отыграется на ней сатана, пока молода, отыграется...

Отыгрался. Приехал в село молодой агроном Паша. Крепыш, как из плуга выкован, рукастый – из зубьев от бороны мог цветок отлить лугового краше, к тому же и умным оказался – в очках ходил. Местные парни попробовали придраться с вопросами типа «ты какие сигареты пьёшь?», «наш ты или заречный?». Выслушал любопытных, усмехаясь, молча, раскидал их по канавам и, крикнув, добавил:

– Ваш я, сельский, и обижаюсь не хуже вашего, а кто не уразумел, могу подтверждений набавить, есть желающие?

Не нашлось.

Некоторые местные красавицы на него откровенно поглядывали и завели традицию по вечерам вопросы всякие за-

давать. Цветочно-огородные. Не успеет Пашка с работы вернуться, а они уже у калитки на лавочке принарядятся и дожидаются. Поначалу Пашка отвечал подробно, тщательно слова подбирал попроще, дабы понятнее было. А потом, может, сам догадался, а может, кто и подсказал, да только всё сторонкой стал любознательных обходить. Красавицы решили разозлиться да каверзу какую заплести, но стали замечать, что каждое воскресенье, ещё до первых петухов, Пашка из села исчезает, а возвращается только под утро к понедельнику. И в это же время замок на двери дома Виктории Астаховой повисал.

У сельских бабок своя арифметика с геометрией, не только носки вязать умеют. Мигом сложили да приумножили. Конечно, если б Пашка пропадал с кем попримечнее, слова бы не сказали обидного, а тут с гулёной?! С Викой и так пол села ухмыляясь здоровались, а через месяц и такие же, как сама она, «последние» отворачиваться начали. Вику презирали, но Пашку жалели. Да и как не посострадать, если парень здоровущий, лицом не в тыкву, характером не в крапиву, а нашёл для успокоения гулёну. И зависали по селу слухи один «утонченнее» другого. Так, бабка Сузгиниха уверяла, будто Пашка для своей крали гостиницу на всю ночь снимает с сауной и всякими городскими причиндалами. Конечно, Сузгиниха лично Пашку с Викторией в баньке не парила, но люди ей сообщили об этом знающие, наблюдательные, понимающие. А народ зря болтать не будет. Бабка Настя согласно

кивала головой и добавляла:

– Племянник мой Ромка лично их под ручку видел, нос к носу в ресторане райцентровском столкнулись, можно сказать, за одним столиком сидели. А как ворковали, голубки, как ворковали... в общем, тьфу, и только!

Как мог полунищий, годами нигде не работающий наркоман и забулдыга Ромка по кличке Педяром в ресторане заседать, сельчане не интересовались, а вот о чём курлыкала Вика с Пашей, жутко знать хотели. Баба Настя тяжело вздыхала, разводила руками и, покашливая, полушёпотом отвечала:

– Конечно, срамотно говорить об этом, ох и срамотно, так и Вика-то заборных слов не лучше. В общем, сексы они обсуждали разные со специями, рецептами делились, где, что купить для этих, для сексов, подешевле.

Не менее несуразны и обидны были и другие старушечьи домыслы. И только баба Мотря Нораева, багровея, защищала агронома:

– Пашку не жалко, свою совесть пожалейте, к чему перед погостом душу очернять! Я сама у него спрашивала, куда уезжает так рано. И дед Матвей мой интересовался. Так он сам говорил, что по делам и только по делам, Матрёна Арсентьевна.

– Ага, он тебе семян из городу понавёз редких, вот и покрываешь свою любимчика, душонка луговая. Знаем, тебя хлебом не корми, только дай на цветочки редкие полюбоваться. Задобренная ты, потому и веры твоим словам – кап-

ля.

Баба Мотря обиженно отворачивалась, но в перепалку не вступала. Действительно, Павел ей такие редкие сорта цветов дарил, что и во всей округе не сыскать! Любил он своё агрономическое дело, как Матрёна Арсентьевна домашнюю оранжерею, – очень любил.

Но больше всех от старушечьих сплетен Машенька Усова страдала. Маленькая, но изящная, с длинной, светлой под янтарь косой, она могла часами любоваться парнем своими огромными, весенней лазури глазами. Мать Машенькина, однажды увидев, как дочь на Пашу смотрит, от неожиданности за чей-то забор уцепилась, чтобы не рухнуть, так сердце по всему телу озарением расплескалось.

– Машенька, да ты же любишь его, глупенькая, да он же старше тебя, а тебе ещё институт закончить надо, три курса только и успела. Господи, Машенька, да разве так на него глядеть можно?! Да он же дунет на тебя, и ты...

Машенька возражать не посмела. Да и как обманешь мать, если, увидев Павла, она дорогу домой забывала. Брела, а в каждом облаке его черты видела, в веточках деревьев реснички и взгляд чувствовала, а в шёпоте волн у реки чудилось – Павел зовёт: «Ма-ша, Ма-ша, Машенька!»

Вот и ранили Машеньку сплетни старушечьи нелепостью своей и бесстыдством. Мать, наблюдая, как дочь мучается, пошла к бабе Васёне. Долго топталась у крыльца, не зная, с чего разговор начать, пока Васёна сама не гаркнула:

– Татьяна, чего на пороге мнѣшься, коли мыслями в избе, проходи, не майся.

О чём они говорили, до сих пор бабки в селе по-разному судачат, только в этот же вечер надела Васёна новый белый платок, кофточку праздничную голубенькую, под цвет глаз, припудрилась тщательно, сорвала у дороги два цветка донника – один белый, а другой жёлтый – и напрямик к Павлу. Он как раз в саду возился, деревья опрыскивал. Увидев цветки в руках Васёны, поздоровался, улыбнулся.

– Никак, по доннику, Василина Александров-на, соскучились.

– Да чтой-то, Паша, не соображу, всё в них вроде одинаково, корешки, стебелёчки, листочки, внешне по цвету только разнятся, а не пойму, Паша, – у жёлтого цветка сила есть целительная, а белый – худосочный. Как не родные.

– Родные, Василина Александровна, ещё как родные! Но у каждого свойства свои характерные. Их даже по латыни по-разному нарекли. Одного мелилотус официналес величают, а по-нашему донник лекарственный, другого – мелилотус альбус обозвали, что значит донник белый. Ликом он на братца златоглавого похож, а свойствами – увы! Первый лечит, отсюда и сила, а второй так себе, красавец снежный, не более.

– Я так и подумала. Красоток много, а души от красоты не у каждого. Спасибо, что растолковал, Пашенька. Сам-то когда желанную в дом приведёшь, не приглядел ещё?

Пашка замялся, взял палку и стал сердито размешивать ядохимикаты, которыми деревья обрабатывал.

– Я бы привёл, Василина Александровна, да городская она, коров боится, от курей и тех шарахается, уверена – закроют, – сказал, словно боль вместе с криком выплеснул Павел.

– Это, значит, ты к ней каждое воскресенье, с утра по солнышку...

– О-о-о! Местная разведка своё дело знает, да ошибается малость. С Оленькой мы, похоже, расстались. Уезжал, попросил: пока не поймешь, что без меня жить не сможешь, не пиши и не звони. Я в селе четвёртый месяц, и пока ни одной строчки. А вот куда я разъезжаю – скажу только вам одной. Знаю, не засмеёте, по селу помойными слухами не разольёте и правильно поймёте. Молодой я, Василина Александровна, опыта в работе не хватает, а должность солидная, вот и гоняюсь каждое воскресенье к дядьке своему в соседний район за советом, за поддержкой. Он там председателем колхоза, командует, между прочим, самым лучшим хозяйством в районе. Сами знаете – земля не люди, ошибок не прощает.

Васёна от удивления губу прикусила.

– А эта лахудра крашенная, Астахова, тебе к чему? Зачем с тобой катается?

Теперь Пашка вытаращился на Васёну эллипсоидными глазами.

– Это кто такая? Я никакой Астаховой не знаю. Я один...

Я... к дядьке посоветоваться. Не хочу дураком выглядеть.
Васёна резко махнула рукой.

– Молчи, оправдываются виноватые, я всё поняла, прости меня, бабушку древнюю, и как я сразу не сообразила?..

Подумав немного, уже тише добавила:

– Знаешь, Паша, а хочешь, принцесса городская за тобой не только в село, в тундру, в снега к пингвинам на жительство побежит? Любое сердце заговорить можно, да не на всю жизнь. А здесь мы твою зазнобу и коров доить, и дрова рубить обучим.

Глаза у Пашки загорелись от неожиданного предложения, пальцы рук затрепетали.

– А разве так можно?

– Всё возможно, если осторожно. Ты только реши, хватит твоей любви одной на двоих, да и на сколько времени хватит? Ты только хорошенько подумай!

На следующее воскресенье, когда Пашка уехал, а на двери Викиного дома снова повис амбарный замок, Васёна по-хозяйски распахнула калитку и клюкой стала осторожно проверять створки окон: открыты или нет? Обнаружив одно полураскрытым, распахнула и негромко приказала:

– Астахова, выбирайси, а то сейчас всё село здесь соберу. Пусть посмотрят, как ты всем бошки дуришь!

Из глубины дома послышался шёпот Вики и недовольный заспанный мужской голос:

– Кого там чёрт принёс, говорил тебе, замок повесь на две-

ри, а то моя кривоножка притащится.

– Да закрылась я, Олеженька, повесила. Васёниха за-чем-то припёрлась, догадалась, ведьма проклятая, что я дома. Пойду, успокою, а то разнесёт по селу. Дойдёт до Верки, за час, твоя суженая, без башки оставит и тебя, и меня.

Мужской голос испуганно взвизгнул и, булькая, задыхаясь, зашептал:

– Говорил дурынде, в районе надо было встречаться, за-стукают рано или поздно. Зачем была, что Пашкой прикро-емся, на тебя никто и не подумает? Допрыгались, кого пере-умничать захотела? Ведьму?

– Заткнись. Лучше в шкафу спрячься да шмотки собери, вдруг она в дом потащится, а я постараюсь кочергу старую пока заговорить. Ныряй быстрее, да одеяло оставь, зачем за собой тащишь! Совсем разум потерял...

Когда Астахова выглянула в окошко, у дома никого не было. Почесав за ухом, она осторожно прикрыла окошко и вер-нулась в спальню. Из шкафа моментально высунулась рас-трёпанная голова.

– Ты чего так быстро?

– Ложная тревога. Старуха постращала и смылась, навер-няка решила, что окно случайно открытым оказалось.

Мужчина выбрался из шкафа и, осторожно отодвинув за-навеску, выглянул на улицу. Его лицо мгновенно побледнело и покрылось мелко-травчатой испариной.

– Вика, мы пропали! Посмотри, ведьма с моей женой раз-

говаривает!

Лихорадочно хватая одежду, Олег с ракетной скоростью, подпрыгивая на одной ноге, напялил носок, затем надел рубашку наизнанку и, раздирая по швам, натянул брюки, прислушиваясь к тому, что происходит за дверью, схватил галстук и метнулся на пол искать второй носок.

– Олег, прекрати трястись, зачем галстуком подпоясываешься, у тебя же ремень есть, уймись, – глядя на запуганного кавалера, попыталась успокоить Астахова.

– Ты озверела? Хочешь, чтобы жёнка из дома меня вышибла? Соображаешь, чего несёшь?

Вика подошла к ползающему возле кровати Олегу, присела и ласково обняла.

– Ну, выгонит, ну, беда великая, зайныка, ко мне переберёшься, вот и заживём не таясь. А хочешь, я тебе сыночка рожу, великанчика, хоро-шенького-хорошенького...

– Ты?! Сына?! Мне?!

Олег брезгливо оттолкнул Вику. Медленно поднялся, засунул второй носок в карман рубашки, долго отряхивался, раздумывая, что ответить. Его губы, вздыбленные словно коромысло, тряслись, а пылающими от злобы глазами можно было разжечь мокрую солому. Тщательно выговаривая каждый звук, он больше прошипел, чем высказал:

– Мадамка подзаборная, тля навозная, намекаете, что набрюхатались с кем-то на стороне, а теперь на меня списать свои грехи желаете? Накося выкуси, да не подавился! – Олег

поднёс к носу Вики кукиш и сплюнул под ноги.

– Котенька, у тебя... у тебя ногти чёрные, подстричь бы надо, Олеженька, хочешь, я...

– Кому Олеженька, кому Олег Николаевич! Курвятина! – яростно хлопнул по столу кулаком прораб и снова сплюнул, теперь уже на голый Викин живот. Схватив со стула пиджак и у порога туфли, лихо вымахнул в окно.

– Куда? – растерянno прошептала Вика. – Олеженька, за-инька, ты забыл на кровати тру... наде... на...

– Заткнись! – отмахнулся Олег и, спрятавшись за угол дома, стал наблюдать за бабкой Васёной и женой. А они, о чём-то весело поболтав, разошлись в разные стороны. Васёна свернула к себе домой, а жена направилась к магазину.

Олег от неожиданности присел на завалинок, покряхтывая, посмотрел на часы и выругался. Ещё бы! По всему выходило, Васёна ничего не рассказала супружнице, а он только напрасно приготовился к экстренному дёру да вдобавок наговорил гадостей любовнице. И, что теперь? Куда торопиться?! Возвращаться домой слишком рано. Утром наплёл жене, будто срочно вызывают в райцентр на очередное очень долгое и ответственное совещание, для того и галстук нацепил, а возвращаться к Астаховой после высказанного ещё уродливее. Олег покосился в сторону открытого окна, вспомнил о недопитой бутылке водки, вздохнул, пригнулся и, прячась за чем только можно, озираясь, перебежками поспешил к реке. А Вика упала на кровать, свернулась в клу-

бочек и, прижимая к груди его трусы, икая, причитала: «Зачем? Зачем ты так, зачем?! Котинька, я же ради тебя... я же...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.